

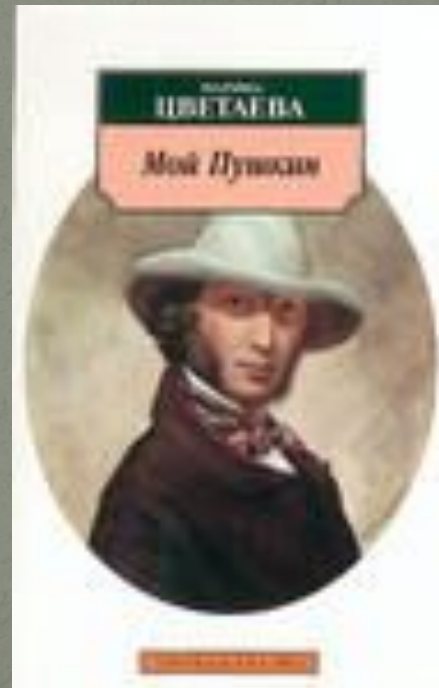
МОЙ ПУШКИН

МОЙ ШАШКИН

- *Это рассказ о вторжении в душу ребенка стихии стиха.*

И рассказ о неумолчном ответном эхе, родившемся в этой душе. Незаурядной душе: ребенку ведь и самому предстояло стать поэтом, да еще выдающимся, решительно непохожим ни на кого на свете.

ПУШКИН МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Первое, что я узнала о Пушкине,

*Это была картина в спальне матери –
«ДУЭЛЬ»*

Снег, черные прутья деревьев, двое черных людей проводят третьего, под мышку, к саням - а еще один, другой, спиной отходит. Уводимый Пушкин, отходящий - Дантес. Дантес вызвал Пушкина на дуэль, то есть заманил его на снег и там, между черных безлистных деревьев, убил.

это - что его убили.

Памятник Пушкина был — обиход, такое же действующее лицо детской жизни...

Памятник Пушкина был одна из двух (третьей не было) ежедневных неизбежных прогулок — на Патриаршие Пруды — или к Памятник-Пушкину. И я предпочитала — к Памятник-Пушкину, потому что мне нравилось, раскрывая и даже разрывая на бегу мою белую "кофточку", к нему бежать и, добежав, обходить, а потом, подняв голову, смотреть на чернолицего и чернорукого великана, на меня не глядящего, ни на кого и ни на что в моей жизни не похожего. А иногда просто на одной ноге обскакивать. А бегала я, несмотря на собственную толстоватость — лучше всех: от чистого чувства чести: добежать, а потом уж лопнуть.

Мне приятно, что именно

***памятник Пушкина был
первой победой моего бега.***

Памятник А. С. Пушкину (Опекушин)

С памятником Пушкина была и отдельная игра, **моя игра**, а именно: приставлять к его подножью мизинную, с детский мизинец, белую фарфоровую куколку — приставлять к гигантову подножью такую фигурку и, постепенно проходя взглядом снизу вверх, пока голова не отваливалась, — сравнивать.

Памятник Пушкина был и **моей первой встречей с черным и белым**: такой черный! такая белая!

Памятник Пушкина был и **моей первой встречей с числом**: сколько таких фигурок нужно поставить одна на другую, чтобы получился памятник Пушкина. И ответ был уже тот, что и сейчас: "Сколько ни ставь..." — с горделиво-скромным добавлением: "Вот если бы сто меня, тогда — может, потому что я ведь еще вырасту..."

Так что Памятник-Пушкина был и **моей первой встречей с материалом**: чугуном, фарфором, гранитом — и своим.

Памятник Пушкина со мной под ним и фигуркой подо мной был и моим **первым наглядным уроком иерархии**: я перед фигуркой великан, но я перед Пушкиным — я. То есть маленькая девочка.

Первый урок числа, первый урок
масштаба, первый урок
материала, первый урок иерархии,
первый урок мысли и, главное,
наглядное подтверждение всего
моего последующего опыта:

из тысячи фигурок, даже одна на
другую поставленных, не сделаешь
Пушкина.

Запретный шкаф... Запретный плод... Этот плод — том, огромный сине-лиловый том с золотой надписью вкось —

Собрание сочинений А. С. Пушкина.

- Пушкина я читаю в шкафу, носом в книгу и в полку, почти в темноте и почти вплоть и немножко даже удушенная его весом, приходящимся прямо в горло, и почти ослепленная близостью мелких букв.
- Пушкина читаю прямо в грудь и прямо в мозг.
- Мой первый Пушкин — "Цыганы":
 - ✓ таких имен я никогда не слышала
 - ✓ живых цыган я никогда не видела
 - ✓ и вот совсем новое слово — любовь

В шесть лет я влюбилась...

Влюбилась в Онегина и в Татьяну (и, может быть, в Татьяну немножко больше), в них обоих вместе, в любовь. И ни одной своей вещи я потом не писала, не влюбившись одновременно в двух (в нее — немножко больше), не в них двух, а в их любовь. В любовь.

Но еще одно, не одно, а многое, предопределил во мне "Евгений Онегин". Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку — и руки, не страшась суда — то только потому, что на заре моих дней лежащая Татьяна в книге, при свечке, с растрепанной и переброшенной через грудь косой, это на моих глазах — сделала. И если я потом, когда уходили (всегда — уходили), не только не протягивала вслед рук, а головы не оборачивала, то только потому, что тогда, в саду, Татьяна застыла статуей.

Урок смелости. Урок гордости.

Урок верности. Урок судьбы.

Урок одиночества.

Самое любимое из страшных,
самое по-родному страшное и
по-страшному родное были — "Бесы".

"Мчатся тучи, вьются тучи —
Невидимкою луна..."

Все страшно — с самого начала: луны не видно, а она — есть, луна — невидимка, луна в шапке-невидимке, чтобы все видеть и чтобы ее не видели.

Странное стихотворение (состояние), где сразу можно быть (нельзя не быть) всем...

Да, что знаешь в детстве — знаешь на всю жизнь, но и: чего не знаешь в детстве — не знаешь на всю жизнь.

Для меня до-семилетней и семилетней моего «хрестоматийного» Пушкина было мало! Составитель хрестоматии, очевидно, усумнился в доступности младшему возрасту понятий тоски, предчувствия, заботы, теснения и всечасности.

Стальными спицами в наморщенных руках няни и кончалось мое хрестоматическое "К няне", из которого я на всю жизнь узнала, что старую женщину — потому-то родная — можно любить больше, чем молодую — потому что молодая и даже потому что — любимая.

Ты теперь не прежний Пушкин, ты — мой Пушкин

Что в имени тебе моем?..

Что в имени тебе моем?

*Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.*

*Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.*

*Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.*

*Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...*